

Дзюэцу, зажгла благовония, окутывая комнату ароматом. Дым, клубящийся от курильницы, успокаивал, но не мог унять тревогу, гнездившуюся в ее душе. Причиной ее беспокойства был молодой император, Коушун, который явился к ней прошлой ночью. «Как же хлопотно», — пронеслось в ее мыслях. Она легко справлялась с капризами женщин внутреннего двора, но просьбы императора были совсем иного рода. Дзюэцу, прикоснувшись к рукаву мантии, вспоминала, как Коушун касался ее вчера. Он был моложе, чем она думала, но его взгляд, спокойный, как зимнее солнце, выдавал удивительную зрелость. Она ожидала увидеть в нем больше страха, больше властности. Синсин, золотая птица, растянувшийся на цветочном коврик, внезапно вскочил, расправил крылья и принялся громко чирикать, бегая по комнате и вопя. — Синсин, перестань, — попыталась остановить его Дзюэцу, но птица, игнорируя ее, продолжала кричать, сбрасывая с себя перья. Эта золотая птица никогда не слушалась Дзюэцу, хотя и вела себя послушно перед прошлой наложницей-Вороном. Ходили легенды о том, что золотая птица могла находить золото и мертвые тела. Эта странная птица, с ее золотым оперением, была редкостью в этом мире. Раньше она была стройной, но теперь, из-за обилия пищи во дворце, стала круглой и жирной. «Готова поклясться, что, если ее обжарить, вкус будет божественным», — мелькнула в голове Дзюэцу, когда она впервые увидела птицу. Похоже, Синсин чувствовал ее мысли, так как до сих пор побаивался ее. Дзюэцу вздохнула и указала на дверь. Дверь, словно по мановению волшебной палочки, бесшумно распахнулась. На пороге, как и прошлой ночью, стояли Коушун и его слуга-евнух. Лицо Коушуна оставалось таким же спокойным и безэмоциональным, как и вчера. «Напоминает безучастную зимнюю гору, — подумала Дзюэцу. — Зимнюю гору, которая безмолвно спит до весны, тихая и неподвижная». — Сколько бы раз вы ни являлись, я не соизволю выслушать вашу просьбу, — холодно произнесла она, но Коушун, игнорируя ее слова, вошел в комнату. — Вы меня слышали?! — брови Дзюэцу сошлись на переносице. Коушун, вставая перед ней, взглядом указал евноху подойти. Тот, как будто до этого репетировал, подошел к ним, держа в руках поднос с бамбуковой пароваркой. — Что это?.. — евнух, не ответив, поставил поднос на стол и поднял крышку. Из-под нее повалил густой, горячий пар. — !.. — внутри лежали пушистые, круглые баоцзы. — Я приказал приготовить для тебя эти сладости. Начинка — семена лотоса. Я слышал, это твое любимое блюдо. Он был прав. Глаза Дзюэцу были прикованы к баоцзы. Но Коушун, садясь напротив девушки, накрыл пароварку крышкой и притянул поднос к себе. — Так ты выслушаешь меня? Взгляд Дзюэцу метался между Коушуном и пароваркой. Она колебалась. Она и правда думала, что он принесет что-нибудь, чтобы ее подкупить, но недооценила его: она была уверена, что он принесет деньги или украшения для волос. Её не интересовали подобные вещи, в отличие от еды. Пока она не попала во дворец в шестилетнем возрасте, Дзюэцу не была уверена, когда ей удастся поесть в следующий раз. Девушка сглотнула слюну и уставилась на Коушуна. — Я выслушаю, но не более. Коушун улыбнулся. Она впервые видела такое выражение на его лице. — Это нашли несколько дней назад во внутренней части дворца. — Коушун достал одинокую серьгу, которую показывал ей прошлой ночью. — Знаешь, кто ее потерял? — Нет, — просто ответила девушка, надкусывая баоцзы. Кожица булочки была мягкая и влажная, а семена лотоса — теплые и сладкие. — Не знаешь? Разве наложнице-Ворону не известно все? — Не стоит говорить глупости. Я же не бог. Если бы дело обстояло иначе, я бы знала. Если бы ты попросил меня найти потерянную вещь, то я бы сосредоточилась на твоей ци и нашла бы ее. Однако наоборот это не работает. У вещей мало ци, чтобы можно было найти через них человека, да и слишком много людей, чтобы находить их без достаточного количества ци. — Вот как... — Коушун медленно кивнул, но Дзюэцу сомневалась, так ли уж он хорошо ее понял. — Если понял, то уходи. Набивая рот баоцзы так, что щеки распирало, Дзюэцу сделала жест рукой, словно прогоняя собаку. Но Коушун не поднимался. Он, словно глубоко задумавшись, скрестил руки на груди. — Тогда меняю запрос. На самом деле вопрос здесь гораздо более серьезный. — Серьезный? — хоть он так и сказал, Дзюэцу уже знала об этом. Или думала, что знала... — Похоже, в этой серье заключен призрак. Дзюэцу оторвалась от баоцзы и подняла взгляд на Коушуна. — «Похоже»? Ты видел

призрака?— Лишь раз. И не очень отчетливо. — Взгляд Коушуна переместился на серьгу. — То была женщина в красном платье. У нее была одна такая серьга в левом ухе. Может, ты знаешь, что это была за женщина? Дзюсэцу посмотрела на серьгу и нахмурилась. — Есть вещи, которые я знаю, есть вещи, которых не знаю. Но что ты собираешься предпринять, если я не знаю? Даже если тот владелец, кто обронил ее — призрак, разве это вопрос, который требует твоего внимания?— Я всего лишь хочу узнать. Я из тех людей, которые должны добраться до сути, если им что-то пришло на ум.«Откровенная ложь», — подумала Дзюсэцу, глядя прямо в лицо Коушуна. Он совсем не походил на молодого человека, которого просто мучает любопытство. Казалось, его вообще ничто не интересует. У него, мягко говоря, было довольно хладнокровное ко всему отношение. А грубо говоря — этот полностью лишенный эмоций человек походил на деревянную куклу.— Если ты не можешь найти того, кто уронил эту серьгу, то выясни хотя бы личность призрака. Если тебя попросят выслушать ненужные вещи, это лишь добавит хлопот. А ты ненавидишь проблемы, верно? Он все верно сказал, но ее все равно злили его слова. Она промолчала, и Коушун указал на уже опустевший поднос: — Отработай баоцзы. Что скажешь? Разве тебе понравится, если тебя назовут нахлебницей? Когда речь зашла о «нахлебнице», она возмутилась. — Я была более высокого мнения о твоём характере. — А что, я походил на человека, у которого он хороший? — с усмешкой бросил он, словно удивляясь такому предположению. Дзюсэцу лишь нахмурилась, молчаливо выражая свое недовольство. — А ты гораздо более очаровательная, чем я ожидал, — добавил он, глядя на девушку, которая внезапно покраснела, словно от удара молнии. Она резко поднялась, опрокинув стул, и, запыхавшись, уставилась на Коушуна. Синсин, дремавший рядом, вздрогнул, проснувшись от неожиданного шума. — Сей, стул, — тихо произнес Коушун, и евнух поспешил поднять упавшую мебель. Дзюсэцу, не отрывая взгляда от Коушуна, все еще красная, села обратно. Коушун протянул ей серьгу. Она, словно замороженная, не сводя с него глаз, протянула руку и взяла украшение. Сережка была холодной на ощупь, но девушка ощутила странное тепло, исходящее из глубин темно-зеленого камня. Казалось, что он шепчет о бормотании ручья и безмолвии леса. Держа серьгу в одной руке, Дзюсэцу другой вытащила из волос пион. Это был не простой цветок, а ее сила, заключенная в лепестках. Она положила его на ладонь, и пион вспыхнул розовым пламенем. Девушка подула на него, и огонь затрепетал, превращаясь в дымку, которая окутала серьгу. Розовая пелена рассеялась, и на ее месте возникла фигура...